

Гарри снова закрыл толстую книгу и провел пальцами по потертой обложке. Некогда хрустящие страницы давно стали мягкими и почти пушистыми на ощупь. Вдоль корешка появились пятна грязи и жира от его пальцев. Задний левый угол книги треснул, кожа расслоилась от слишком сильного удара о пол. Буквы потускнели и были поцарапаны, "Магическую теорию и явления" стало трудно читать, не напрягаясь.

Гарри прочел тяжелую книгу от корки до корки уже дважды, и во второй раз понял больше. Теория магии оказалась для него более полезной, чем книга заклинаний. Хотя в "Книге заклинаний" перечислялось бесчисленное множество заклинаний и чар, которые казались очень увлекательными, у Гарри не было палочки, поэтому он не мог воспользоваться скрупулезно подробными описаниями движений и произношения палочек.

Последняя книга, которую он принес, "Обжигающая чешуя", была одной из его любимых. Он утешался множеством страниц, каждая из которых была нарисована магическими чернилами, зачарованными так, что они двигались и свистели

при каждом взмахе хвоста существа.

Он много раз открывал свои книги глубокой ночью, когда неожиданно просыпался и оказывался запертым в маленьком шкафу. Наблюдение за тем, как Угрюмые плывут по нарисованной воде, или за тем, как Шведский Шорт-Наут вздымает в небо огонь, помогало ему на время забыть, где он находится.

Дни становились длиннее и теплее, а морозы - реже и менее суровыми. Руки Гарри кровоточили, когда родственники снова заставили его работать в саду.

Его желудок уменьшился, так как он привык к меньшему количеству еды. Он обнаружил, что все меньше вещей развлекают его. Страницы книги вызвали лишь ностальгию, о которой было больно вспоминать.

Он положил книгу в сундук и запер его щелчком пальцев. Он хорошо научился отпирать и запирать.

Дадли показалось забавным, что его кузену приходится работать даже в дождь, и он получил огромное удовольствие, споткнувшись о Гарри и размазав его по цементу, промокнув до костей, пока Дадли оставался сухим в своем новеньком анораке.

Гарри зашел внутрь, с него капала вода, но метла выбила его обратно на улицу. Петуния гневно кричала, что он портит ее полы, не обращая внимания на то, что именно Гарри их мыл.

Дадли вышел на улицу, пригласив своих друзей. Один из них, особенно с крысиным лицом, набросился на Гарри и грубо толкнул его на землю.

Гарри упал на землю, ошарашенно моргая. Он почти не понимал, что именно произошло, - разве что внезапно запульсировало в спине. Он смутно осознавал, что они над ним смеются.

Было больно.

Что-то в Гарри оборвалось.

И вдруг мальчик с крысиным лицом закричал, его руки метнулись к лицу, и кровь, казалось, хлынула потоком.

Дадли закричал, отшатнувшись назад, и кровь хлынула на мокрый тротуар между ними, окрасив бетон в пунцовый цвет.

Петуния распахнула входную дверь и в ужасе закричала: мальчик, Пирс, кричал и метался.

Люди кричали, кричали прямо на него.

Гарри почувствовал, как кто-то схватил его за заляпанную водой одежду и потащил прочь от беспорядка на цементной дорожке.

Кулак ударил его по щеке, еще сильнее ударив череп о землю и заставив увидеть звезды. Глубокая пульсация и небольшая вспышка тепла били по глазам. Шея стала влажной, а желудок скрутило от внезапной тошноты.

Глаза закатились, когда он почувствовал, как что-то мокрое скользит по шее. Оно было некомфортно теплым.

Гарри рассказали, что он ударил Пирса по лицу, сломав ему нос, и отправили в больницу, чтобы вправить его. Дурсли пообещали матери истеричного мальчика, что накажут Гарри за его нелепое поведение.

Гарри заперли в шкафу на три дня. Они дали ему достаточно еды, чтобы продержаться, две банки супа и несколько бутылок воды, прежде чем Вернон захлопнул дверь и запер ее со зловещим, последним щелчком.

Гарри вернулся в темноту, а по ту сторону тонкой двери раздавались нечленораздельные крики и проклятия его дяди.

Он не решался отпереть дверь или включить свет, так как все еще слышал скрип тяжелых шагов за шкафом.

Время расплывалось и искажалось в странной смеси вялости и беспокойства.

Его пальцы пробегали по страницам книг, уже прочитанных и перечитанных множество раз, а каждое заклинание почти выучено наизусть. Успокаивающий запах старой бумаги исчез и сменился слабым запахом крысиной мочи.

Он слышал громкий смех Вернона, приглушенный звон столового серебра о драгоценные фарфоровые тарелки. Они ужинали, и желудок Гарри сжимался от голода.

Его пальцы подрагивали, когда он проводил ими по изношенным лопастям пера, которое он протащил в сундук. Оно было старым, истертым и сломанным на самом кончике. Совершенно бесполезное.

"Incendio", - прошептал Гарри. Но ничего не произошло.

Гарри наклонился вперед и решительно поднес перо к лицу. "Incendio... Incendio!"

Гарри сердито наморщил нос и с силой отбросил перо. Вместо этого оно разочарованно шлепнулось вниз и приземлилось с тихим шепотом. Он даже не смог устроить нормальную истерику.

Гарри откинулся на спинку кресла, подняв руки, чтобы протереть глаза. Они горели, и по непонятной причине из его горла вырвался хриплый всхлип.

Зная, что семья Дурслей может и, скорее всего, накажет его ещё больше за то, что он прервал ужин, он перекатился и прижал плоскую подушку ко рту, чтобы заглушить крики.

Почему они ненавидят его за то, что он волшебник?

Скайлар наверняка уже знает, как это сделать". Коварный голос прошептал в тишине. Гарри почувствовал, как гнев и жалость к себе поднимаются вверх, борясь за контроль над его мыслями. Он дрожал в темноте: "Он уже намного лучше меня".

Он не знал, когда заснул и когда проснулся на следующий день, он не потрудился встать. Да и не было у него для этого места. В комнате было темно, и не было никакой разницы между тем, стоять или лежать, когда ты не можешь видеть.

Он не видел в этом смысла.

Дом наполнился приглушенными голосами, некоторые он не узнал, а другие узнал. Он услышал, как Дадли ушел, и некоторое время его отчетливый голос больше не звучал. Должно быть, это был будний день - Дадли ушёл в школу.

Время шло, и Гарри попеременно то почти кричал, то часами неподвижно валялся на своей койке.

Все было неважно, и в то же время все имело значение.

"Это несправедливо", - тихо бушевал Гарри, снова и снова проводя когтями по обнаженным бедрам, где рубашка задралась. Кожа была красной и раздраженной от длинных нестриженных ногтей.

"Почему?" Он ворковал, наполовину спокойно, наполовину истерично.

Магия - это продолжение души, - думал Гарри, глядя на нее почти со стороны, - душа состоит из эмоций. Я должен желать этого, жаждать этого".

Гарри склонил голову набок, пронзая темноту тускло-зелёным светом, когда заметил слабые очертания пера на полу в некотором отдалении.

"Я хочу этого", - шипел Гарри, слова почти искажались от того, как долго он произносил гласные. Его лицо дернулось, и он протянул одну руку к перу. Головная боль билась о череп, а усталость болезненно давила на кости.

"Incendio".

Перо вспыхнуло.

Неразличимый в темноте Гарри улыбнулся.

<http://tl.rulate.ru/book/115750/4561742>